Игорь БАРЦИЦ

Конституционные мифы и конституционные иллюзии

«Конституционными иллюзиями называется политическая ошибка, состоящая в том, что люди принимают за существующий нормальный, правовой, упорядоченный, подзаконный, короче: "конституционный" порядок, хотя его в действительности не существует».

В.И. Ульянов (Ленин)[*]

«Чего-то хотелось: то ли конституции, то ли севрюжины с хреном, то ли кого-то ободрать...»

М.Е. Салтыков-Щедрин[**]

Понятие «конституционные иллюзии» в отечественном государствоведении тесно связано с одноименной статьей В.И. Ленина, опубликованной в газете «Рабочий и Солдат» 4 и 5 августа революционного 1917 года. Преследуя конкретные политические задачи, потенциальному вождю не удалось подняться до уровня осознания конституционных надежд М.Е.Салтыкова-Щедрина, и в итоге конституционные иллюзии были сведены к трем актуальным для лета 1917 года задачам. Если со значимостью первой конституционной иллюзии лета 1917 года, что Россия переживает канун Учредительного собрания, «поэтому все происходящее теперь имеет временный, преходящий, не очень существенный, не решающий характер, все будет скоро пересмотрено и окончательно установлено Учредительным собранием», еще можно согласиться, то две остальные иллюзии, спустя почти столетие, вызывают недоумение своими скромными масштабами. Вряд ли на уровень конституционных иллюзий могло реально претендовать признание роли известных партий (эсеры или меньшевики) или переживание: является ли закрытие газеты «Правда» эпизодом, случайным явлением или, действительно, важным событием для общественных умонастроений [Ленин,1969. С. 33].

Разрушив конституционную иллюзию Учредительного собрания, В.И. Ленин заложил основы куда более масштабной конституционной иллюзии, которая нашла свое закрепление 60 лет спустя в Конституции СССР 1977 года: «Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В.И.Лениным, свергла власть капиталистов и помещиков, разбила оковы угнетения, установила диктатуру пролетариата и создала Советское государство — государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма. Начался всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму. Одержав победу в гражданской войне, отразив империалистическую интервенцию, Советская власть осуществила глубочайшие социально-экономические преобразования, навсегда покончила с эксплуатацией человека человеком, с классовыми антагонизмами и национальной враждой. Объединение советских республик в Союз ССР приумножило силы и возможности народов страны в строительстве социализма... Ярким проявлением силы социализма стал немеркнущий подвиг советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне».

---

* Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 34: Июль-октябрь 1917. М.: Изд-во политической литературы, 1969. С. 33.

** Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 20 томах. Том 12. Москва, Художественная литература, 1971. С. 295.

Игорь Барцицц, доктор юридичесих наук, профессор, декан Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (МИГСУ РАНХиГС). (119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: in.bartsits@migsu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются история принятия конституционных актов, их основные положения с точки зрения реализации политических задач и общественных ожиданий, анализируется правовой смысл положений, которые не могут быть на практике реализованы и остаются социально значимыми мифами, без которых государство и общество не способны нормально функционировать.

Ключевые слова: конституция, конституционные мифы, конституционные иллюзии, общественный договор, народовластие.

В советской теории права процитированное положение преамбулы Конституции развитого социализма определялось в качестве примера «нормы-исторической справки». По сути, это было выражением устоявшегося конституционного мифа. Любая конституция, наряду с правовыми нормами и институтами, регулирующими общественные отношения, всегда декларирует политические ценности и включает в себя нормы-принципы, кроме того, она должна еще выполнять идеологическую функцию. Такая функция, в частности, отведена преамбуле Конституции.

Наличие конституционных иллюзий в основных законах страны предопределяется положением, что конституции призваны включать в себя нормы программного характера (нормы-цели). Эти нормы содержат положения о перспективах развития государства, нормативно закрепляют их, придают им обязательный характер. Нормы-цели и нормы-программы были сравнительно широко представлены в конституциях социалистических и некоторых развивающихся стран, именно в них, как правило, давались установки на строительство социализма и коммунизма. Представление о конституции как о документе, правовым путем фиксирующем «образ будущего» для страны, обусловливает закрепление в нем фиктивных положений, к которым государство и общество лишь стремятся.

Конституционные иллюзии Французской революции нашли отражение в норме-символе, содержащемся в ст. 2 Конституции Франции о девизе этой республики: «Свобода. Равенство. Братство».

Набившим оскомину примером подмены конституционной иллюзии конституционным мифом стала легенда о лозунге восстания декабристов 14 декабря 1825 года: «Хотим Константина и жену его Конституцию». Если предположить достоверность этой исторической байки, подобный лозунг был обусловлен стремлением организаций будущих декабристов привести идею конституции из проектов Никиты Муравьева и «Русской правды» Павла Пестеля в массы, пусть и таким неправдивым образом. В последнее время активизировались поиски конституционных идей в российской истории. Причем их нельзя признать безуспешными: элементы конституционных начал находят в крестоцеловальной записи Василия Шуйского и в «кондициях» Анны Иоанновны. Конституционные иллюзии лишали покоя автора «Недоросля» Д.И.Фонвизина и М.М.Сперанского.

Идея конституционного регулирования власти – сердцевина конституционных иллюзий. Из подобного рода иллюзий выводится значимый конституционный миф – принцип разделения властей, который является демократическим инструментом для ограничения осуществления государственных полномочий с целью сохранения свободы с помощью установления баланса между различными ветвями власти [Brewer-Car as, 2007. P. 33].

Отцами-основателями теории разделения властей принято называть английского философа Дж. Локка и французского просветителя Ш. Монтескье, которые в конце XVII в. в Англии и в середине XVIII в. во Франции разработали основные положения этой теории. Различные подходы этих двух философов к данной проблеме породили и разные концепции. Дж. Локк разделил публично-властные полномочия между разными органами. Соответствующие типы публично-властной деятельности располагались им в иерархическом порядке. Он разделял саму государственную власть на законодательную власть, на исполнительную власть и на федеративную власть.

В отличие от Дж. Локка, Ш. Монтескье не дробил государственную власть, а структурно ее разделил на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти, различая в каждом государстве только три вида власти. Разделение и взаимное сдерживание властей является, согласно Монтескье, главным условием обеспечения политической свободы, применительно к государственному устройству.

Учения Локка и Монтескье о разделении власти на три ветви, каждая из которых должна быть, во-первых, относительно самостоятельной, а во-вторых, уравновешивать другие, оказали огромное влияние на всеобщую государственно-правовую практику. Это влияние отчетливо проявилось, например, в Конституции США 1787 года, во Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и в других правовых актах. В частности, в статье 16 Декларации записано: «Общество, в котором не обеспечено пользование правами и не проведено разделение властей, не имеет Конституции».

Вопреки конституционной иллюзии о «разделении власти», это явление – не сущность государства, а его структура, форма взаимодействия элементов государственного механизма. Поэтому правильнее данный принцип называть не «разделение властей», а «разделение власти» , исходя из его сущности.

Современное понимание разделения властей находит в законодательном закреплении следующих принципов: а) функционирование законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти; б) равноправие всех ветвей власти, их самостоятельность и независимость друг от друга, но в рамках системы сдержек и противовесов; в) судебная власть должна быть наделена функциями конституционного контроля; г) разделение властей как между федеральными органами законодательной, исполнительной и судебной власти, так и между федеральными органами и органами государственной власти субъектов Федерации.

О том, что принцип разделения властей является «конституционным мифом», писали О. Худ Филлипс [Цит. по: Masterman, 2010. P. 10] и ряд других авторов. Фридрих Август фон Хайек писал применительно к США, что «задуманное разделение власти ... не удалось. Вместо этого в Соединенных Штатах сложилась система, весьма неблагоприятная для эффективного правления. Организация и направление деятельности правительства были по-

делены между исполнительным и представительным собраниями. Две палаты избираются в разное время на основании разных принципов и часто расходятся во мнениях и враждуют» [Хайек, 2006. С. 427]. Следует признать, что их аргументы, верстаемые в основу такой оценки, по крайней мере, разумны и резонны, пусть и не бесспорны.

Разумеется, речь идет не об опровержении принципа разделения властей, а о некоторой необоснованности его чрезмерной идеализации и представления в качестве чуть ли не идеального и не единственно разумного принципа рациональной организации власти. То есть весь вопрос в степени мифологизации.

Например, разделение властей, закрепленное в конституции Венесуэлы, как указывает Алан Бревер-Кариас, направленное изначально на то, чтобы избежать сосредоточения власти у какого-либо одного органа, на самом деле искажено в указанном документе, поскольку конституция все же позволяет своего рода перевес в сторону законодательной ветви власти, наделяя ее полномочиями не только назначать на должность, но и увольнять магистратов Верховного суда и глав органов электоральной и гражданской ветвей власти таким образом, что в конечном итоге это может осуществляться только по политическим мотивам [Brewer-Carías, 2007. P. 34].

Общественные мифы играли различные роли на протяжении истории. Еще, к примеру, Платон писал о благородной лжи для обеспечения упорядоченного и справедливого общества [Norchi, 2008. P. 289]. Подобный миф не мог не найти своего отражения в конституционной идеологии, ведь именно во имя обеспечения упорядоченности и движения к справедливости возникла и развивалась сама идея конституционализма.

Вполне закономерно, что конституционная идеология содержит элементы мифологии. В настоящее время в США и в Европе конституционная мифология является достаточно действенной и функциональной [Ghetti. P. 5]. Весьма востребована такая мифология и в нашей стране. Система российских конституционных мифов глубинно связана с базовыми мифами Российской государственности.

Здесь надлежит отметить, что в целях настоящей статьи понятия «миф» и «иллюзии» не несут негативного контекста, не сводятся к декларативности и фиктивности феноменов, ставших подобными мифами и иллюзиями. «Миф во все времена и во всех культурах в символе-иероглифе описывает объем знаний, превышающих возможности общедоступного рационального усвоения. Архетип становится тем кодом, который позволяет расшифровать иероглиф, а при наличии хранящей «связку ключей» жреческой элиты (или просвещенной политической элиты) – развернуть из него всю спрятанную систему знаний» [Борисенко, 2002].

Поэтому конституционные иллюзии и мифы зачастую тесно связаны с народной мифологией. Например, широко прижившиеся в народном сознании концепции «народной воли» и «народной мудрости» (чем не «народный суверенитет»?) органично сочетаются с былинными подходами «о добром царе-мученике» и «плохих боярах» (чем не основа для модели разделения властей с сильной президентской властью?).

Конституционные мифы отличаются от конституционных иллюзий тем, что первые создаются сознательно, образуя некоторые «подпорки» конституционной идеологии и выступая ее неотъемлемыми частями, парадигмальными, в том числе телеологическими и деонтологическими элементами, тогда как конституционные иллюзии – это заблуждения, несбывшиеся (в том числе обманутые) надежды, а также надежды, о которых общество в массе своей еще не знает, что они несбыточны.

Характерно, что инструмент конституционных иллюзий и мифов был хорошо знаком большевикам. Неслучайно В.И. Ленин в своих работах многократно использовал лексическую конструкцию «конституционные иллюзии».

Будем объективны – с тех пор мало что изменилось. Разве что поменялось содержание конституционных мифов и господствующих иллюзий да существенно усовершенствовались средства их доставки к потребителю. Провести четкую границу (тонкую красную линию) между конституционным мифом и конституционной иллюзией весьма затруднительно. Более того, таковые активно взаимодействуют между собой, перетекая из одного состояния в другое и обратно, смешиваясь и иным сложным образом коррелируя друг с другом.

Как пишет Алан Марсиано, человеческое общество функционирует более или менее слаженно, в том числе потому, что составляющие его индивиды разделяют общие представления о своем происхождении, принципах своего существования, а также о том, как организовано их взаимодействие. Такие убеждения являются фундаментальными, их также называют мифами. Подобные мифы позволяют обществу существовать, и их важность заключается не в том, что они являются абсолютно правдивыми или точными, а в том, что они создают инерцию в обществе. Среди социальных институтов, порождающих мифы, конституции занимают значимое место, поскольку определенным образом формируют общество. Конституции объединяют всех граждан вместе и формируют рамки, в которых осуществляется вся (в том числе – экономическая) деятельность [Marciano, 2011. P. 1–2].

Как указывает Джеймс Бьюкенен, конституции содержат правила социальной игры, в которую мы играем в нашей повседневной жизни. Относительно конституций существует множество общих убеждений и мифов, которые граждане воспринимают как должное [Цит.по: Marciano, 2011. P. 2].

Наиболее устойчивым и активно тиражируемым мифом, распространенным среди юристов, экономистов или политологов, пишет Алан Марсиано, выступает утверждение о том, что конституция представляет собой «общественный договор». Такая точка зрения подразумевает, что конституция принадлежит гражданам государства,

поскольку они дали на нее согласие и таким образом согласились с ее положениями и приняли ее правила социальной игры. В качестве основной и непосредственной критики в отношении данного мифа является тот факт, что никогда никто не подписывал никаких общественных договоров. Человеческие существа всегда жили в социальных, а значит, организованных группах, а конфликтное состояние их характеров – это всего лишь метафора. Фактически же никогда ни один гражданин не соглашался непосредственно на то, чтобы конституция как-то ограничивала его деятельность [Marciano, 2011. P. 2].

Такая идея является фикцией, обоснованно указывает Рэндалл Дж. Холкомб, также и потому, что основой деятельности органов публичной власти государства в реальности все-таки является принуждение, но никак не договор. Конечно, есть социальные нормы, которые можно рассматривать как результат и выражение общественного договора, и люди, которые нарушают эти социальные нормы, могут подвергнуться таким санкциям, как исключение их из социальных групп, оказание общественного давления, отказ от экономических отношений с ними, и так далее. Это примеры реального поведения в реальной социальной ситуации. Конституционный же договор, рассматриваемый в гипотетическом смысле общественного договора, является фикцией, поскольку в действительности подразумевает легитимность принуждения, реализуемого публичной властью, такой гипотетический подход не основан на реальном поведении и не в ладах с реальностью деятельности правительства [Holcombe, 2011. P. 22].

По мнению А.Марсиано, конституционным мифом также является утверждение о том, что народ является источником власти, поскольку фактически граждане государства не вовлечены в процесс подготовки и написания конституции [Marciano, 2011. P. 4].

Рассуждая о народовластии, как правило, говорят лишь о правах народа, о народном суверенитете. Идея народного суверенитета – это теоретическая философская и правовая категория, которая находит свое практическое воплощение в целой системе конституционных институтов и механизмов. Народ – суверенный властитель только в пределах своего права, и только если народ действительно это право определяет, а не в случае, когда это право навязывается ему какими-либо иными, непредставительными органами. Народа метафизического нет, как нет народа эмпирического – есть избирательный корпус, есть просто избиратели. Можно выявить волю избирательного корпуса в целом, волю конкретного избирателя, но практически невозможно выявить единую волю народа. Вместе с тем никакая часть народа не должна присваивать себе права суверенитета. Электорат это только часть народа, его политически наиболее активная часть. Народный суверенитет находится и реализуется в рамках реального органического государства.

По прошествии 20 лет после принятия Конституции Российской Федерации, события 12 декабря 1993 года оказались в значительной степени мифологизированы. Так, утверждается, будто Конституция Российской Федерации была принята в ходе референдума, хотя на самом деле 15 октября 1993 года Президентом Российской Федерации Б.Н.Ельциным был подписан Указ о всенародном голосовании по ее проекту. Этим же указом было утверждено «Положение о всенародном голосовании по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года», согласно которому проект конституции считался одобренным в том случае, если за её принятие проголосует большинство избирателей, принявших участие в голосовании, при условии участия в голосовании более половины числа зарегистрированных избирателей.

В действительности же, референдум провести было просто невозможно. В 1993 году еще действовал Закон о референдуме РСФСР, относивший право назначения референдума к исключительным полномочиям Съезда народных депутатов Российской Федерации или Верховного Совета Российской Федерации (статья 9 Закона). Президент России не был правомочен объявить проведение референдума. Спасительной «загогулиной», позволившей проигнорировать требования Закона о референдуме РСФСР, стал термин «всенародное голосование».

12 декабря 1993 года голосование состоялось. За принятие Конституции проголосовало 58,43 %, против — 41,57 %. Новая Конституция была принята и вступила в действие со дня её опубликования 25 декабря того же года.

Применительно к процедурам принятия конституции, принято говорить о «всенародном принятии». Но что понимать тут под «волей народа»? Какое содержание, например, вкладывается в формулировки «всенародно принятая конституция», «воля народа», «всенародная воля»? Существуют различные варианты формулировок, раскрывающие политологическое и юридическое понимание всенародности: квалифицированное большинство, простое большинство, подавляющее большинство. Однако все перечисленные формулы не снимают основного вопроса: «всенародно» это сколько? Вариантом ответа в логике здравого смысла служит арифметическая формула: 50% + 1 голос от списочного состава имеющих право голоса. Но в таком случае в условиях массового абсентеизма очень сложно признать состоявшимися практически все выборы или референдумы.

Еще одним из наиболее ярких конституционных мифов является утверждение о том, что существуют своего рода «хранители конституции», и роли эти отведены верховным судам, поскольку, как показывает практика, такие суды далеко не всегда выступают в качестве независимых и беспристрастных защитников конституции [Marciano, 2011. P. 5–6].

Конституционно-правовая история СССР переполнена мифологией – и про будто бы признававшиеся и гарантированные политические права, и про дружбу народов, приведшую к формированию новой исторической общности – «советского народа», и про легитимность захвата власти в 1917 году [Краснов, 2007. С. 31]. Впрочем, не менее мифологизированным был «распад», а точнее – разрушение Союза ССР* [Шахрай, Станских, 2010], причем как со стороны критиков разрушения, так и со стороны положительно его оценивавших. Очень активно уже длительное время продуцируется и применяется конституционная мифология на Украине, причем всеми сторонами бесконечной политической «рукопашной»**.

К конституционной мифологии также относится, по мнению Лоры С. Андекафлер, провозглашение некоторых личных прав, таких, как свобода слова, свобода вероисповедания, право на частную собственность, право на надлежащую правовую процедуру, как по своей природе абсолютные или практически абсолютные. Такая мифология является действительно мощной, но при этом она сдерживается очевидной реальностью социальных интересов; идеи таких прав сами по себе являются социальными концепциями***.

К числу конституционных мифов ряд авторов также относит конституционный миф об отделенности религии от государства, поскольку религия все равно неотделимо участвует в формировании политики, законов и правовой идеологии современных государств [Law and Religion, 2007. P. 22]. Из того же разряда утверждения о равном отношении государства к религиям, поскольку в реальности в мире нет ни одного примера государства (исключая Северную Корею), где государство не выделяло бы одну или несколько религий в смысле предпочтительности [Понкин, 2006]. С другой стороны, к мифологии можно отнести атрибутирование идеологиям атеизма, дарвинизма, гуманизма и прочих «измов» характеристики «светский», притом, что к светскости таковые не имеют никакого отношения вообще****.

Лора С. Андекафлер отмечает, что мифология конституционных прав вообще наиболее сильна в тех областях, где она является наиболее непригодной*****.

Что же делать с конституционной мифологией? Стоит согласиться с мнением Франсиско Александре де Пайва Форте, что конституционные мифы должны трансформироваться из утопий в конституционные инструменты в соответствии с реальностью [Forte, 2007. P. 197]. Впрочем, с этим есть некоторые проблемы, поскольку, как справедливо пишет М. Краснов, «интеллектуальная элита, одна из главных задач которой – насыщение общества новыми идеями, осмысление их и т.д., не заботится о том, чтобы, по крайней мере, не повторять замшелых мифов, – вероятно, потому, что не дает себе труда учитывать исторический контекст их появления либо просто заглянуть в первоисточники...» [Краснов, 2007. С. 31].

Конституция – особый нормативный акт, он выступает скрепляющей силой, формирует «образ будущего» государства и общества. Конституционные иллюзии и конституционные мифы – это отраженная история страны, восприятие лучших мировых практик, представление собственного взгляда на современный мир и устройство государства.

---

* Мифология распада СССР // Аргументы Недели. 05.12.2012. № 47.

** См., например: Зубченко А. Конституционная мифология // <http://www.versii.com/news/215856/>. – 04.10.2010; Шаповал В. Феномен конституции в контексте отечественной политико-правовой «мифологии» // <http://gazeta.zn.ua/POLITICS/fenomen_konstitutsii_v_kontekste_otechestvennoy_politiko-pravovoy_mifologii.html>. – 08.08.2008.\

*** Underkuffler L.S. Property as Constitutional Myth: Utilities and Dangers. https://www.lse.ac.uk/collections/law/projects/techniquesofownership/tech-underkuffler.pdf

**** См., например: Ellis A. Are Capitalism, Objectivism, And Libertarianism Religions? Yes! Greenspan And Ayn Rand Debunked. – б/м: CreateSpace, 2007. 496 p.; Понкин И.В. Современное светское государство: конституционно-правовое исследование: Дисс. ... д. ю. н. / РАГС. М., 2004.

***** Underkuffler L.S. Property as Constitutional Myth: Utilities and Dangers // <https://www.lse.ac.uk/collections/law/projects/techniquesofownership/tech-underkuffler.pdf>. P. 16.

Литература

Борисенко М.В. Роль политической мифологии в современной политике//Вестник МГУ, серия Социология, 2002. №3.

Краснов М. Конституция в нашей жизни // Pro et Contra. 2007. Июль–октябрь.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. 34: Июль – октябрь 1917. М.: Изд-во политической литературы, 1969.

Понкин И.В. Современное светское государство: конструктивная светскость. Конституционно-правовое исследование. М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2006.

Хайек фон Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006.

Шаповал В.. Феномен конституции в контексте отечественной политико-правовой «мифологии»// Зеркало недели. 2008. №29. 9–15 августа.

Шахрай С.М., Станских С.Н. Мифология распада СССР// Журнал российского права. 2010. №1.

Brewer-Carías A.R. Global Values in the Venezuelan Constitution: Some Prioritizations and Several Incongruences // Toward a Universal Law for Humanity: Global Values and the Lessons ans Challenges from National Constitutional Jurisprudence. New York: New York Law School, 2007.

Ellis A. Are Capitalism, Objectivism, And Libertarianism Religions? Yes! Greenspan And Ayn Rand Debunked. б/м: CreateSpace, 2007.

Forte F.A.P. Rationality and legitimacy of the policy of repression in drug trafficking: a necessary provocation // Estudos Avan ados. 2007. Vol. 21. № 61.

Ghetti P.S. The Brazilian Deconstitution: Futurity and Cynicism in the Brazilian Constitutional Experience // <http://www.enelsyn.gr/papers/w2/Paper%20by%20Pablo%20Ghetti.pdf>.

Holcombe R.G. Consent or Coercion? A Critical Analysis of the Constitutional Contract // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / Ed. by A. Marciano. – New York: Springer, 2011.

Law and Religion / Ed. by G. Barzilai. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2007.

Marciano A. Introduction: Constitutional Myths // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / Ed. by A. Marciano. New York: Springer, 2011.

Masterman R. The Separation of Powers in the Contemporary Constitution: Judicial Competence and Independence in the United Kingdom. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Norchi C.H. The legal architecture of nation-building: An introduction // Maine Law Review. 2008. Vol. 60:2. .

CONSTITUTIONAL MYTHS AND CONSTITUTIONAL ILLUSIONS

Igor Bartsits, J.D., professor, Faculty Dean of IIPAM RANEPA (Vernadsky Prospekt, 82, Moscow, Russian Federation, 119571). E-mail: in.bartsits@migsu.ru

Summary: the article examines The background to the adoption of the constitutional acts and their main provisions with regard to the implementation of political objectives and public expectations, analyzes the legal meaning of the provisions, which cannot be implemented and remain socially significant myths, without which the state and society is not able to function normally.
Keywords: Constitution, constitutional myths, constitutional illusions, social contract, democracy.

References

Borisenko M.V. Rol' politicheskoi mifologii v sovremennoi politike [Role of political mythology in modern policy] //Vestnik MGU, seriia Sotsiologiia, 2002. №3.

Brewer-Carías A.R. Global Values in the Venezuelan Constitution: Some Prioritizations and Several Incongruences // Toward a Universal Law for Humanity: Global Values and the Lessons ans Challenges from National Constitutional Jurisprudence. – New York: New York Law School, 2007.

Ellis A. Are Capitalism, Objectivism, And Libertarianism Religions? Yes! Greenspan And Ayn Rand Debunked.: CreateSpace, 2007.

Forte F.A.P. Rationality and legitimacy of the policy of repression in drug trafficking: a necessary provocation // Estudos Avançados. 2007. Vol. 21. № 61.

Ghetti P.S. The Brazilian Deconstitution: Futurity and Cynicism in the Brazilian Constitutional Experience // <http://www.enelsyn.gr/papers/w2/Paper%20by%20Pablo%20Ghetti.pdf>.

Holcombe R.G. Consent or Coercion? A Critical Analysis of the Constitutional Contract // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / Ed. by A. Marciano. – New York: Springer, 2011.

Law and Religion / Ed. by G. Barzilai. – Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2007.

Marciano A. Introduction: Constitutional Myths // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / Ed. by A. Marciano. – New York: Springer, 2011.

Masterman R. The Separation of Powers in the Contemporary Constitution: Judicial Competence and Independence in the United Kingdom. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Norchi C.H. The legal architecture of nation-building: An introduction // Maine Law Review. 2008. Vol. 60:2.

Krasnov M. Konstitutsiia v nashei zhizni [Constitution in our lives] // Pro et Contra. 2007, July-October.

Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. Izdanie piatoe. T. 34: Iiul' - oktiabr' 1917. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury (publ.), 1969.

Ponkin I.V. Sovremennoe svetskoe gosudarstvo: konstruktivnaia svetskost'. Konstitutsionno-pravovoe issledovanie [Modern secular state: the structural secularism. Constitutional-legal research] Moscow: Institut gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii i prava, 2006.

Khaiek F.A. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov spravedlivosti i politiki [law, legislation and liberty: Contemporary understanding of the liberal principles of justice and policy]/ Per. s angl. B. Pinskera i A. Kustareva. pod red. A. Kuriaeva. M.: IRISEN publ., 2006. [orig. Hayek F. A. Law, Legislation and Liberty. 3 vol. London and Chicago: University of Chicago Press, 1973—1979].

Shapoval V. Fenomen konstitutsii v kontekste otechestvennoi politiko-pravovoi «mifologii» [Century Phenomenon of the Constitution in the context of domestic political and legal «myths»]// Zerkalo nedeli. 2008. №29. 9-15 avgusta.

Shakhrai S.M., Stanskikh S.N. Mifologiia raspada SSSR [The mythology of the collapse of the USSR] // Zhurnal rossiiskogo prava. 2010. №1.